

Николя Буррио: Европа нуждается в пилотных институциях

КОММЕРСАНТ. - 2005. - 24 ЯНВАРЯ. - С 22

проект эстетика

Московская биеннале современного искусства — плод содружества международного коллектива именитых кураторов, каждый из которых является знаковой фигурой международной художественной сцены. Один из них НИКОЛЯ БУРРИО, директор созданного в 2002 году парижского выставочного центра Пале де Токио, автор книг «Эстетика взаимоотношений» и «Postproduction», изложил ИРИНЕ КУЛИК свою концепцию современного искусства и перспективы ее реализации на практике московской биеннале.

— Вы автор концепции «эстетики взаимоотношений» — эстетики, которая определяет искусство 1990-х годов. Что это и что в этом характерного для последнего десятилетия XX века?

— В 1960-е годы воображаемым горизонтом западного искусства было общество потребления, как в поп-арте, и массовое производство, как в минимализме. В 1990-е годы отправной точкой художественных практик стала сфера человеческих взаимо-

отношений. Расцвет коммуникационных технологий, распространение интернета, необычайное развитие и разнообразие сферы услуг создали благоприятный климат для подобного искусства. Самые знаковые художники 1990-х годов — Маурицио Каттелан и Пьер Хьюи, Майк Келли и Рикрит Тиравания — так или иначе работают с такими понятиями, как «социальные связи», «сообщества», «частные взаимоотношения» или «урбанизм», который является статической формой сосуществования.

— Для художников поколения «нулевых» годов — а именно таковыми по идее являются большинство участников московской биеннале — «эстетика взаимоотношений» по-прежнему актуальна или они уже разочаровались в этой утопии и ищут какую-то новую программу?

— Сходите на биеннале, и вы сами убедитесь в том, какой размах и даже глубину обрела сегодня эта проблематика. «Эстетика взаимоотношений» — это не лейбл, а интеллектуальная атмосфера, художественный климат. Мы уже давно не живем в эпоху манифестов и движений, речь идет не о

ИГОРЬ РОДИН

группе, но о сети проблематик и практик. Я не претендую на изобретение нового направления в искусстве, я просто отслеживал точку пересечения всех наиболее значительных художников моего поколения,

и оказалось, что это ориентированность на взаимоотношения. Но при этом «эстетика взаимоотношений» стала едва ли не первым по-настоящему всемирным художественным феноменом. Кстати, сегодня этот тип искусства наиболее интересно развивается в Азии и Восточной Европе. Что до участников московской биеннале, я называю хотя бы работы Сантьяго Сьерры, представляющие наиболее критическую грань «эстетики взаимоотношений».

— «Эстетика взаимоотношений» отчасти продолжает шестидесятилетний пафос социальной утопии, искусства как программы изменения общества через соучастие. Не получается ли, что само искусство такого рода может существовать только при благоприятных социальных условиях? Даже конкретнее — только при демократии?

— Разумеется, в тоталитарных и недемократических странах открытые художественные практики, приглашающие зрителя к соучастию, менее распространены. Такое искусство рассчитано на опыт самого зрителя, оно утверждает его, зрителя, автономия, критическое сознание, индивидуаль-

ную свободу, то есть все то, что является субверсивным по отношению к авторитарной власти. Смысл произведения искусства является результатом сотрудничества со зрителем, а не навязывается ему. Художник больше не является демиургом, перед которым подобает преклонить колени, он становится «семиоавтомом», прокладывающим маршруты между всеми существующими знаками. Сфера его деятельности сместилась от production к postproduction.

— Ваш музей Пале де Токио в Париже — это место, где вы практикуете этого рода художественную деятельность?

— В 2002 году мы с Жеромом Сансом основали Пале де Токио как некую лабораторию современного международного творчества, открытую — что уникально для Парижа — с полудня и до полуночи. В Париже есть множество музеев, но не было ни одного центра искусств, показывающего, что на сегодняшний момент является актуальным искусством в общемировом контексте, и осуществляющего проекты молодых художников. Пале де Токио — единственный во Франции центр искусств, который на половину финансируется субсидиями

министерства культуры и на половину — инвестициями частных предприятий. Сегодня это самый посещаемый центр искусств в Европе, позволивший Парижу по-новому позиционировать себя на международной арт-сцене благодаря выставкам таких художников, как Вольфганг Тиллманс, Лиам Гиллик, Ванг Ду, Тобиас Рехбергер, представителям тайландской «новой волны» или современного искусства Африки. Мы надеемся, что разработанная нами модель переживет нас. В 2006 году мы, как и было изначально задумано, передаем руководство новой дирекции. Мы не хотим превращаться в этаких ветеранов, десятилетиями сидящих на одном месте.

— А после Парижа вы отправитесь в Киев? Насколько я знаю, вы будете создавать там музей современного искусства.

— К работе консультанта киевского музея я должен приступить только в этом году. Мне предстоит начать формировать коллекцию зарубежного искусства. Я очень рад возможности внести свой вклад в создание этого музея. Европа очень нуждается в таких пилотных институциях и новых представительных коллекциях.